

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога

Статья посвящена интерпретации следов горения на остатках различных деревянных сооружений Умревинского острога первой половины XVIII столетия. Целью исследований было выявление, систематизация и анализ происхождения термических воздействий на сохранившиеся детали деревянных оборонительных и жилых конструкций острога. Отсутствие следов огня на основаниях тыловых стен Умревинского острога, сохранившихся в тыловых канавках, свидетельствует об отсутствии их специальной термической обработки перед их помещением в грунт. Именно вследствие этого, судя по письменным источникам первой трети XVIII века, тыловые стены Умревинского острога достаточно быстро разрушались. На другом оборонительном сооружении – угловой юго-западной башне следы огня связаны с ее разрушением во второй половине XVIII века. Следует отметить, что сваи фундамента башни, так же как тыловины, не имели специального обожжения в гидроизолирующих целях. Эту функцию для основания пола сруба башни выполняла глинистая подсыпка. В центральной части острога были зафиксированы сгоревшие руины жилой конструкции. Обилие нумизматического материала на этом пожарище позволяет датировать это событие не позднее конца XVIII века. Следы воздействия огня на жилые сооружения XVIII века обнаружены и на посаде Умревинского острога в районе выявления клада монетного серебра, состоящего из «капельных» копеек петровского времени, чеканившихся до 1718 г. Отдельные факты обожжения фиксируются и в некоторых погребениях более позднего некрополя, сформировавшегося на внутренней площади острога не ранее рубежа XVIII–XIX вв. В целом, для топографии следов горения на Умревинском остроге характерна локальность, что исключает воздействие на оборонительные сооружения и жилые конструкции масштабных лесных пожаров. Такие стихийные бедствия фиксировались в письменных источниках для севера Верхнего Приобья еще в конце XVII века и являлись для сибирских острогов одним из факторов их разрушения и необходимости восстановления.

Ключевые слова: раннее Новое время, сибирские остроги, деревянные сооружения, фортификация, воздействие огня.

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Impact of Fire on Wooden Structures of the Umrevinskiy Ostrog

The article discusses the interpretation of the burning traces on the remains of various wooden structures of the Umrevinskiy ostrog from the first half of the 18th century. The tasks of the research were to identify, systematize, and analyze the origin of thermal exposure on preserved parts of the wooden defensive and residential structures of the ostrog. The absence of fire traces on the bases of the logs preserved in the grooves from the log fence indicates that they were not subjected to any special heat treatment before being placed into the ground. Based on written sources of the first third of the 18th century, it is because of this that the back walls of the Umrevinskiy ostrog collapsed rather quickly. In another site, the southwestern corner tower, the fire traces are associated with its destruction in the second half of the 18th century. Note that the piles of the tower foundation, similarly to the log fence, did not have any special burning to provide waterproofing. For the base of the tower frame, this function was performed by clay bedding. In the central part of the ostrog, burned-out ruins of a residential structure were recorded. The abundance of numismatic material in the ruins allows dating this event no later than the late 18th century. Traces of fire exposure on residential buildings of the 18th century were also found in the posad (settlement) of the Umrevinskiy ostrog, in the area of the discovery of the treasure of silver coins, consisting of the “drip” kopeks of the Peter’s

time (minted until 1718). Separate facts of burning are recorded in some burials from a later necropolis that was formed in the inner area of the ostrog no earlier than at the turn of the 18–19th centuries. Generally, the topography of fire traces in the Umrevinskiy ostrog is characterized by local nature, which excludes the impact of large-scale forest fires on fortifications and residential structures. Such natural disasters were recorded in the written sources for the north of the Upper Ob Region in the end of the 17th century and were one a factor of their destruction and the need for restoration of the Siberian ostrogs.

Keywords: *early Modern Age, Siberian ostrogs, wooden structures, fortification, fire exposure.*

Для деревянных сооружений огонь всегда был самой разрушительной стихией. В Сибири, в самом начале XVIII столетия власти уделяли особое внимание противопожарным мерам для различных военных, административных, хозяйственных и жилых построек из дерева. Причиной воздействия огня было несколько факторов – антропогенный (военный, бытовой) и стихийный. Следы таких воздействий археологически прослежены на целом ряде сибирских острогов (Братском, Тобольском, Албазинском, Казымском, Ляпинском, Бикатунском). В частности, под нижними венцами башен Братского острога была зафиксирована угольная прослойка и остатки частокола. Это позволило сделать вывод о гибели предшественника Братского острога в пожаре в первой трети XVII в. [Никитин, 1961, с. 222]. В 1677 г. сгорели тыновые стены Тобольского острога [Матвеев, Аношко, Клименко, 2012]. Еще одним примером, является Албазинский острог. Во время первой маньчжурской осады он подвергся значительным разрушениям и сгорел в 1685 г. Спустя еще год (1686 г.) острог был восстановлен и выдержал новую маньчжурскую осаду, но затем, по условиям Нерчинского договора (1689 г.) был окончательно разрушен [Албазинский..., 2019, с. 137, рис. 2.2.20, с. 138, 192]. В 1710 г., судя по письменным источникам, был сожжен Бикатунский острог [Бородаев, Контев, 2015, с. 96, 97]. Рукотворные пожары начала XVIII и XX вв. известны по письменным источникам на территории Ляпинского острога [Визгалов, Балужева, 2009, с. 277; Крадин, 1988, с. 89]. В 1786 г. произошел пожар в доме управляющего Чаусского острога*.

Не менее значимыми для стратиграфии и дендрохронологии острогов при формировании на их территории следов интенсивного горения являются лесные пожары. Например, при дендрохронологической датировке строительного материала (осень 1744 – зима 1745 г.) башен Казымского острога особое значение имели письменные данные о пожаре – 1742 г. Скорее всего, последствия этого природного явления и обусловили обновление острога, который затем в 1751 г. был упразднен [Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2010, с. 76]. В этой связи не менее важен факт масштабного лесного пожара 1989 г.

на территории бывшего расположения Казымского острога [Молодин и др., 2018, с. 149, 150]. Для Верхней Оби упоминание о таких стихийных бедствиях появляется в письменных источниках еще в конце XVII в. В отписке томского воеводы И.М. Кольцова-Моссальского от 1682 года упоминается о «молнии велики и громы сильные, и теми молниями ... леса и черни выгорели без остатку» [Уманский, 1980, с. 144, 145]. Данные о масштабных лесных пожарах в верхнеобском регионе имеются и в более поздних письменных источниках конца XIX – начала XX веков [Лесные..., 1932, с. 126; Бородовский, 2005]. При дендрохронологических исследованиях в окрестностях Умревинского острога (рис. 1) (с. Ташара Мошковского района Новосибирской области) среди строительного материала жилых построек были выявлены следы таких пожаров [Бородовский, 2011]. По результатам многолетних археологических исследований на Умревинском остроге, удалось проследить несколько разновидностей воздействия огня (рис. 2). Среди них следы пожара на угловой юго-западной башне и жилом сооружении в центральной части острога, а также обожжения на некоторых погребальных конструкциях некрополя, сформировавшего впоследствии на месте существования острога.

Стратиграфическая последовательность расположения следов интенсивного горения являлась важным фактором, определившим сохранность первоначального профиля и размеров юго-западного угла рва Умревинского острога, поскольку значительная масса следов горения фактически законсервировала этот участок земляного оборонительного сооружения начала XVIII века (рис. 2, 1). Один из наиболее обширных и мощных прокалов располагался не только в заполнении юго-западного угла рва острога около свайно-столбчатого фундамента набережной башни. Он был представлен пятном значительных размеров (3 × 5 м), локализованным напротив места расположения ленточно-столбчатого фундамента угловой юго-западной башни.

Прокаленные огнем участки почвы были выявлены вдоль обского побережья от юго-западного края площадки Умревинского острога. В этом же направлении, у края одного из котлованов жилой конструкции также были выявлены следы интенсивного горения. Именно в этом слое с ин-

*ГАТО. Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, Л. 260–261.

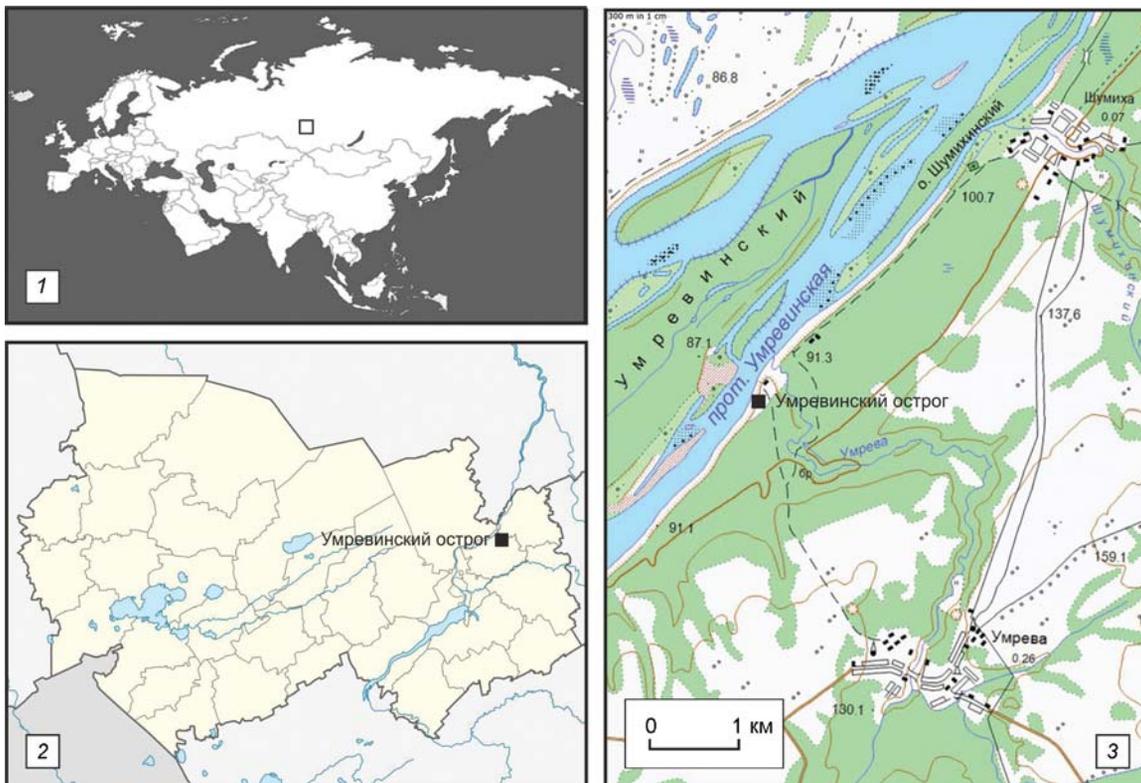

Рис. 1. Расположение Умревинского острога.

1 – Новосибирская область; 2 – место расположения Умревинского острога в Мошковском р-не Новосибирской обл.; 3 – Умревинский острог и его окрестности.

тенсивным обожжением и был обнаружен Умревинский клад монетного серебра первой четверти XVIII в. [Бородавский, Горохов, 2016].

Археологические исследования различных участков Умревинского острога и прилегающих к нему территорий позволили установить общий характер распространения следов интенсивного горения. Еще последствия значительного пожара жилого деревянного сооружения, произошедшего в конце XVIII столетия, были зафиксированы в центральной части Умревинского острога. В дальнейшем периферия обширного прокала от этого события была перерезана целым рядом могил Умревинского некрополя, возникшего на месте площадки упраздненного острога.

Для установления относительной хронологии событий, связанных с пожарами на Умревинском остроге, определенное значение имеют нумизматические материалы. Например, в слое горения у края котлована жилой конструкции за пределами Умревинского острога на участке обнаружения монетного клада серебра реперными монетами являются серебряные «капельные» копейки 1717 г., царствования Петра I. Медная закладная монета (денга) 1730 г. на ленточно-столбчатом фундаменте юго-западной башни Умревинского острога около заполнения рва со следами горения относится уже

к правлению Анны Иоанновны. Она маркирует относительную хронологию возведения этой башни. Однако точная датировка ее пожара достаточно проблематична. Соотношение данных письменных и археологических источников по наличию в первой трети XVIII в. количества башен на Умревинском остроге позволило С.В. Горохову, выдвинуть предположение, что она сгорела уже к 1741 г. [Горохов, в печати]. Однако этот пожар мог произойти и позже, когда башня накренилась и рухнула в сторону реки, где потом ее обломки и были сожжены. Косвенным подтверждением такой версии является отклонение к реке, возведенной на этом же месте башни-новодела в 2003 г., а также факт ликвидации остатков башни на Ляпинском остроге в начале XX в. В 1927 г. ее сжег местный крестьянин, «поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали» [Крадин, 1988, с. 89]. Для Умревинского острога, учитывая место расположения юго-западной башни, фактор расчистки сенокосных угодий был, конечно, вряд ли актуален, поскольку это оборонительное сооружение находилось фактически в одной из центральных зон жилой застройки Умревинской слободы. Не менее важен и другой факт: если принять 1741 г. за дату пожара угловой юго-западной башни Умревинского острога, то это дает определенные основания син-

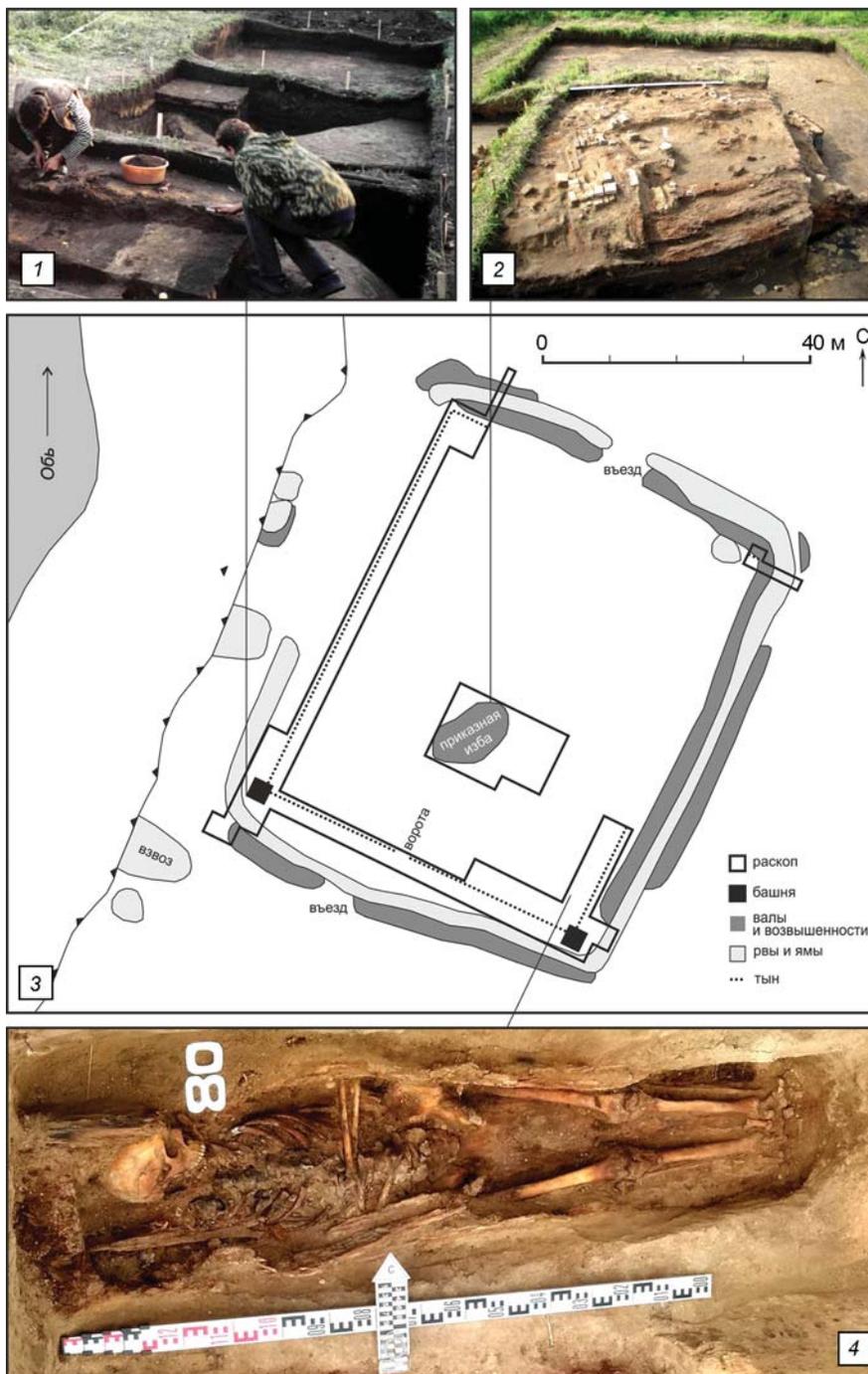

Рис. 2. Следы воздействия огня на различных деревянных сооружениях Умревинского острога.

1 – следы пожара во рву у фундамента угловой юго-западной башни; 2 – руины сгоревшей жилой конструкции в центре острога, перекрытые более поздним некрополем; 3 – план Умревинского острога; 4 – погр. 80 со следами обожжения.

хронизации ее деревянной конструкции с сохранившимися башнями Казымского острога. Они были датированы по данным дендрохронологии [Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2010, с. 76].

Другой не менее показательный факт – обнаружение нумизматического материала в слое горения в центральной части Умревинского острога под деревянной погребальной конструкцией элитного детского погребения. Оно было впущено в слой со

следами горения жилой конструкции (рис. 2, 2), где была обнаружена медная сибирская монета 1767 г. При этом самая поздняя монета на пожарище в центре сруба жилища относилась к 1797 г. Не обсуждая точных хронологических границ узкого датирования всех этих событий, связанных с пожарами на Умревинском остроге, подчеркнем, что они, в целом, так или иначе соотносятся с нумизматикой XVIII столетия.

Как уже ранее отмечалось, воздействие огня, кроме оборонительных и жилых сооружений, на территории Умревинского острога обнаружено еще и в погребениях. В частности, крышка деревянной колоды и кости груди погребенного захоронения № 80 (рис. 2, 4) имели следы интенсивного обожжения. В состав сопроводительного инвентаря этой могилы входила крупная «гирьковидная» серебряная пуговица с позолотой, которую можно атрибутировать как часть одеяния священнослужителя. Следы огня на костях захороненного и его деревянной погребальной конструкцией, скорее всего, были обусловлены каким-то ритуалом. Например, с огнем в погребальной обрядности русского населения Верхнего Приобья и Барабы был связан обычай помещать в гроб или колоду керамический сосуд с углями из печи дома усопшего [Воробьев, 2001, с. 508]. Воздействие высокой температуры зафиксировано на железных набойках обуви погр. 167 еще одного священнослужителя на Умревинском некрополе. Эти следы представлены на металле в виде расплавленных каких-то минералов, сплавившихся с текстилем. При этом воздействие огня на погребальную конструкцию и скелет погребенного не зафиксировано. Следует отметить, что в этнографической практике известен обычай разведения костров на могилах во время «родительских дней» при посещении кладбищ. Однако, при исследовании южной части некрополя на площадке Умревинского острога таких следов воздействия костров на месте расположения множества захоронений не выявлено. Таким образом, пока ритуальное воздействие огня в «некросфере» площадки Умревинского острога можно связывать только с элитными захоронениями священнослужителей.

В целом, для топографии следов горения на Умревинском остроге характерна локальность, что исключает воздействие на оборонительные сооружения, жилые конструкции и погребения масштабных лесных пожаров. Кроме того, выявление следов воздействия огня в культурном слое XVIII в. на этом памятнике имеет определенное значение для установления относительной хронологии различных строительных периодов. В частности, перекрытие прокалом юго-западного угла рва от сгоревшей башни маркирует последовательность сооружения земляных и деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога в первой половине XVIII столетия. Наряду с этим, пожар на жилой деревянной конструкции в центре Умревинского острога и последующее освоение этой площадки под некрополь относятся уже к концу XVIII в.

В заключении еще необходимо отметить, что воздействие огня на детали деревянных конструкций оказывает не только деструктивное, но и кон-

сервирующее воздействие. Дело в том, что обожжение оснований тыновин и свай значительно увеличивало срок их службы, замедляя гниение поверхностного слоя древесины. Однако ни на одной из сохранившихся тыновин Умревинского острога следы обожжения их оснований не были выявлены. Именно этим, очевидно, и объясняется достаточно быстрое разрушение тыновых стен Умревинского острога, отраженное в письменных источниках первой четверти XVIII в. [Миллер, 1734; Миллер, 1750, с. 274; Gmelin, 1751, s. 76, 77; Messerschmidt, 1962, s. 79].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-09-42058\20.

Список литературы

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 416 с.

Бородовский А.П. Источники по описанию территории нижней части Новосибирского водохранилища до его затопления // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Вып. XIV. – Барнаул: [б. и.], 2005. – С. 27–29.

Бородовский А.П. Дендрохронологические исследования русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: [б. и.], 2011. – С. 27–35.

Бородовский А.П., Горехов С.В. Умревинский клад монетного серебра // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2016. – № 2. – С. 102–108.

Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Вып. 7. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 276–285.

Воробьев А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археологического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 506–508.

ГАТО. Ф.521, Оп. 1, Д. 1, Л. 260-261.

Горехов С.В. Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область) // Вестник Томского государственного университета. История. (в печати)

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 192 с.

Лесные пожары // Сибирская Советская Энциклопедия. – Т. III: Л-Н. – М.: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. – С. 124–127.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных Тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. – Вып. 4. – Тюмень: Изд. ТюмГУ, 2012. – С. 76–91.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – К. 1. – СПб.: Императорская Академия наук, 1750. – 510 с.

Миллер Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (дата обращения: 15.03.2021).

Молодин В.И., Новиков А.В., Кениг А.В., Добжанский В.Н., Выборнов А.В., Ведмидь Г.П., Мыглан В.С., Зайцева Е.А., Майничева А.Ю., Шиль А.А. Казымский археолого-этнографический комплекс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 264 с.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 72–77.

Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 213–226.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. – Bd. I. – Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1751. – 516 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s.

References

Albzhinskij ostrog: Istorija, arkeologiya, antropologiya narodov Priamurya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 348 p. (In Russ.).

Borodaev V.B., Kontev A.V. Formirovanie rossijskoj granitsy v Irtyshsko-Enisejskom mezhdureche v 1620–1720 gg. Barnaul: AltGPU, 2015, 416 p. (In Russ.).

Borodovskij A.P. Dendrokronologicheskie issledovaniya russkikh ostrogov v Sibiri. In *Kultura russkikh v arkeologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*, Omsk: [s. n.], 2011. P. 27–35. (In Russ.).

Borodovskij A.P. Istochniki po opisaniyu territorii nizhnej chasti Novosibirskogo vodokhranilischa do ego zhatopeniya. In *Sokhranenie i izhuchenie kulturnogo naslediya Altaya*, iss. XIV. Barnaul: [s. n.], 2005. P. 27–29. (In Russ.).

Borodovsky A.P., Gorokhov S.V. The Umrevinsky Hoard of Silver Wire Kopecks from the Reign of Peter I. *Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia*, 2016. Vol. 44. no. 2. P. 102–108. (In Russ.).

Gorokhov S.V. Integration of written and archaeological sources on the history of the Umrevinsky ostrog (Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* (in print, in Russ.).

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Bd. I. Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1751, 516 p.

Kradin N.P. Russkoe derevyannoe oboronitelnoe zhodchestvo. Moscow: Iskusstvo, 1988, 192 p. (In Russ.).

Lesnye pozhary. In *Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya*, Vol. III: L-N. Moskva: Zhapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZh, 1932. P. 124–127. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M., Klimenko A.I. Ostatki starinnykh Tobolskikh ukreplenij na mysu Chukman. In *AB ORIGINE: arkeologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 4. Tyumen: Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, 2012. P. 76–91. (In Russ.).

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. Berlin: Akademie-Verlag, 1962, 380 p.

Miller G.F. Opisanie Sibirskogo tsarstva. Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1750, 510 p. (In Russ.).

Miller G.F. Opisanie Tomskogo uezhda Tobolskoj provintsii v Sibiri v nyneshnem ego polozhenii, v oktjabre 1734 g. [electronic resource]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (access date: 15.03.2021) (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Kenig A.V., Dobzhanskij V.N., Vybornov A.V., Vedmid G.P., Myglan V.S., Zhajtseva E.A., Majnischeva A.Yu., Shil A.A. Kazhymskij arkeologo-etnograficheskij kompleks. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 264 p. (In Russ.).

Myglan V.S., Slyusarenko I.Yu., Majnischeva A.Yu. Dendrochronological Survey of the Towers from the Kazym Ostrog. *Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia*, 2016, no. 2. P. 72–77. (In Russ.).

Nikitin A.V. Bratskij ostrog. *Sovetskaya arkeologiya*, 1961, no. 2. P. 213–226. (In Russ.).

State Archive of the Tomsk Region. F. 521, Inv. 1, D. 1, fol. 260–261.

Uman'skij A.P. Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.).

Vizhgalov G.P., Balueva Yu.V. Poisk Lyapinskogo ostroga (po rezhultatam arkeologicheskikh issledovaniy 2007–2008 gg.). In *Khanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zherkale proshlogo*, iss. 7. Tomsk; Khanty-Mansijsk: Tomskij universitet, 2009. P. 276–285. (In Russ.).

Vorobei A.A. Sosudy s uglyami izh russkikh pogrebenij Verkhnego Priobya i Baraby kak obekt arkeologicheskogo izhucheniya. In *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoj Azhii: itogi i perspektivy na rubezhe tysyacheletij*, Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2001. P. 506–508. (In Russ.).

Бородовский А.П. <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>